

Церемонии ордена Подвязки как способ репрезентации власти Карла I (1625 – 1649)

Кириянова Елена Анатольевна

аспирантка

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: kirjanova-elena@yandex.ru

Традиционно считается, что орден Подвязки был одним из самых важных инструментов репрезентации власти Карла I. Этот государь необычайно увлекался тем, что в его представлении было связано с рыцарством и рыцарским этосом. Воплощением этих идеалов стал орден Подвязки, члены которого должны были обладать рыцарскими добродетелями: отвагой, мужеством, непримиримостью в борьбе с врагом, честью, готовностью к подчинению в рамках орденской иерархии, целомудрием. Одновременно с воплощением рыцарских идеалов орден Подвязки, благодаря тому, что его небесным покровителем был св. Георгий, патрон Англии, играл важную роль в формировании представлений о “британской нации” так, как их понимала корона. Это находило свое выражение не только в орденском церемониале, но и в других видах репрезентации королевской власти: в пьесах-масках, придворной литературе, искусстве.

Карл I стал расходовать немалые средства на организацию праздника св. Георгия и другие церемонии ордена. Безусловно, эти затраты были меньше, чем на королевские выезды, т.к. первая церемония уступала второй по пышности и скорее была сопоставима с открытием заседаний парламента и приемами послов. Однако церемонии ордена Подвязки были все же довольно дорогостоящими. Среди подобных финансовых новшеств одним из главных можно считать установление ежегодных выплат из государственной казны на все расходы, связанные с функционированием ордена, кроме того, Карл I жертвовал и из собственных средств на нужды ордена. Также этот король продолжил попытки хотя бы отчасти переложить на плечи кавалеров ордена Подвязки его содержание, предпринятые еще Яковом I. К концу 1620-ых – началу 1630-ых гг. намечается определенное ужесточение во взимании средств с рыцарей, которое весьма перекликается с похожими финансовыми мерами в управлении государством (не утверждаемыми парламентом принудительными займами на военные нужды и т.п.). Однако Карл столкнулся при этом с теми же трудностями, что и в масштабах всего государства - кавалеры ордена, не пытавшиеся оспорить решения капитула, тем не менее, упорно их саботировали: всячески оттягивали время выплат или просто отказывались платить.

Хотелось бы остановить внимание и на внешнеполитической функции ордена Подвязки, т.к. его церемонии представляли собой один из действенных способов поддержания международных связей и союзнических отношений и позволяли, с одной стороны, продемонстрировать соответствующие симпатии и антипатии Карла I, а, с другой стороны, произвести впечатление на послов иностранных держав. Важную роль в церемониальном “выстраивании” внешнеполитических отношений играло возведение в рыцари ордена Подвязки иностранных государей, причем даже не столько церемония, практически не менявшаяся со временем, сколько сам факт возведения того или иного монарха и то, как было организовано посольство, которое должно было доставить ему орденские знаки. Карл также придавал большое значение церемониям ордена Подвязки как способу демонстрации перемен в своей внешнеполитической стратегии. Первыми после отказа от ориентации на “доброжелательный нейтралитет” по отношению к Габсбургам среди удостоенных этой чести стали шведский король Густав II Адольф (1611 – 1632) и статхаудер Республики Соединенных Провинций Фридрих Генрих принц Оранский (1625 – 1647). Карл поручил миссию передачи инсигний первому государю Джеймсу Спенсу, человеку, который пользовался большим расположением Густава Адольфа, прекрасно ориентировался в британско-шведских отношениях, однако при этом не разделял внешнеполитических взглядов английского монарха. Тем не менее, Карл не торопился, как и его отец, помогать “гонимым протестантам” континента, это нашло и свое символическое выражение в достаточно позднем возведении в рыцари Фридриха, курфюрста Пфальцского, государство которого оказалось в центре международных противоречий этой эпохи.

Практически постоянно орденский церемониал накладывался на какую-либо другую символическую систему, придворную или дипломатическую, что иногда приводило к

несоответствиям между ними и конфликтам между представителями разных элит: например, между дипломатами и кавалерами ордена при исполнении церемониального приветствия короля во время праздничной трапезы в день св. Георгия. В другом случае пришли в столкновение орденская и придворная иерархия по вопросу о праве людей более низкого социального статуса (но при этом служителей ордена) сидеть в церемониальных орденских головных уборах в присутствии знати, не входящей в его состав. Если вопрос о “преимущество” одних послов перед другими во время орденских торжеств во многом зависел от внешнеполитической ситуации и симпатий монарха, то помещение стола для служителей ордена в тот же зал, где происходил церемониальный обед самого короля, было связано с попытками Карла I возвысить орден Подвязки над любой существующей иерархией.

Этот король пытался, таким образом, привести в действие механизм соподчинения и взаимозависимостей короля и его рыцарей, столь характерный для придворных обществ этой и более поздней эпохи (Н. Элиас). Однако события гражданских войн разорвали эти сложные связи, о важности которых для современников свидетельствуют хотя бы отчаянные попытки короля заставить ряд знатных особ, перешедших на сторону парламента, явиться на праздник св. Георгия и их столь осторожный и церемониально обставленный отказ подчиниться, потребовавший обращения к традициям ордена Подвязки. Хотя празднование дня св. Георгия с соответствующими орденскими торжествами в годы революции прекратилось довольно быстро в связи с военными действиями и неудачами роялистских войск, тем не менее, другие символические действия и предметы, связанные с орденом Подвязки продолжали играть определенную роль. Для немонархической власти, утвердившейся после казни Карла I, орден Подвязки утратил всякий смысл как способ поддержания диалога между государством и его подданными, его обряды потеряли свое сакральное значение. Тем не менее, орден Подвязки, как сугубо роялистская организация, не подвергся преследованиям, более того, герольдмейстер ордена продолжал исполнять свои обязанности (не связанные с деятельностью ордена), в то время как в эмиграции при дворе бежавшего наследника был свой герольдмейстер ордена Подвязки (Эдвард Бише и Эдвард Уокер соответственно). Любопытной и заслуживающей дальнейшего исследования представляется игнорирование как Карлом I, так и его наследником в период изгнания этих нарушений и тщательное следование церемониалу в условиях, когда его исполнение казалось уже практически невозможным.

Литература

1. Nicolas N.H. History of the Orders of Knighthood of the British Empire. In 4 vols. L., 1842.
2. Sharpe K. The image of virtue: the court and household of Charles I, 1625 – 1642 // The English court: from the Wars of the Roses to the Civil War. Ed. by D. Starkey and K. Sharpe. L., 1987.p. 226 – 260.
3. Smuts M. Court culture and the origins of a royalist tradition in Early Stuart England. Philadelphia. 1987.
4. Adamson J.S.A. Chivalry and political culture in Caroline England // Culture and politics in Early Stuart England. Stanford. 1993.
5. South R. Royal castle, rebel town: puritan Windsor in civil war and Commonwealth. Buckingham. 1981.
6. Schreider D. Der englische Hosenbandorden: Beiträge zue Entstehung und Entwicklung des “The most noble Order of the Garter” (1348 – 1702). In 4 vols. Bonn. 1988.